

Островский Дмитрий Васильевич

**Выговская пустынь и ее значение
в истории старообрядческого
раскола**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Васильевич О.**
Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола / Островский
Дмитрий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 149 с.

ISBN 978-5-521-26772-9

ISBN 978-5-521-26772-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

точекъ зрѣнія. Обративъ вниманіе на слѣпую привязанность представителей его къ буквѣ и обряду, современные его появленію духовные и свѣтскіе писатели объясняли происхожденіе раскола крайнимъ невѣжествомъ его послѣдователей, неумѣвшихъ различить существенное и неизмѣняемое въ дѣлахъ вѣры отъ несущественнаго и измѣняемаго ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія расколъ представлялся какъ протестъ невѣжества усиліямъ просвѣщенныхъ пастырей русской церкви улучшить обрядовую сторону русской церковной жизни. Принимая невѣжество за основную и главную причину раскола, представители только что изложеннаго взгляда второстепеннымъ условіемъ, содѣйствовавшимъ его усилію, считали случайный фактъ крайняго недовольства и личнаго озлобленія первыхъ пропагандистовъ раскола противъ главнаго виновника исправленія русскихъ церковно-богослужебныхъ обрядовъ и книгъ п. Никона. Невѣжество и личное недовольство властолюбивымъ и суровымъ п. Никономъ нѣсколькихъ лицъ, возставшихъ противъ его исправленій, вотъ причины, произведшія расколъ! Разсматривая расколъ съ этой стороны, представители изложеннаго взгляда, очевидно, понимали его какъ явленіе исключительно религіозное, возникшее на церковно-обрядовой почвѣ, изъ-за исправленія церковныхъ обрядовъ. Такое пониманіе раскола въ нашей литературѣ держалось очень долго, съ появленія раскола и до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія ²⁾. Въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія, почти одновременно съ началомъ земскихъ реформъ, возникаетъ новый взглядъ на расколъ. Теперь на него начинаютъ смотрѣть—по крайней мѣрѣ писатели свѣтскіе, хотя честь провозглашенія новаго взгляда и принадлежитъ профессору духовной школы Щапову, какъ на явленіе не столько религіозное, сколько или вѣрнѣе даже исключительно-земское ³⁾. Съ этой точки зрѣнія обрядовѣріе и споры изъ-за мелочей церковно-богослужебной практики, составляющіе отличительную особенность раскола, это только *лозунгъ, видимая сторона* протеста многихъ тысячъ русскихъ людей про-

¹⁾ Такой взглядъ на расколъ былъ высказанъ Епифаніемъ Славенецкимъ. См. „Ист. русск. раск.“ пр. Макарія стр. 178—179; СПб. 1858 г. и Громогласова: „О сущности и причинахъ русск. раск.“ 1895 г. стр. 6-я.

²⁾ Этого же взгляда на расколъ держался пр. Макарій—ученый историкъ раскола. См. „Ист. русск. раск.“ стр. 163-я изд. 1855 г.

³⁾ Свой взглядъ Щаповъ провелъ въ двухъ сочиненіяхъ „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в.“ Каз. 1859 г. (см. стр. 94, 109, 113, 105) и въ другомъ: „Земство и расколъ“ (см. стр. 30; изд. 1862 г.). Развивая свой взглядъ сначала довольно умѣренно, въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій Щаповъ уже „съ полною рѣшительностію высказываетъ взглядъ на русскій расколъ, какъ на протестъ податного земства противъ устраиваемаго по иноземному образцу, наперекоръ старорусскимъ преданіямъ, государственнаго порядка и противъ лежавшихъ на землѣ государственныхъ податей и повинностей“. Громогласовъ. „О сущности и причинахъ р. раск.“ 1895 г. 14—15 стр.

тивъ существовавшихъ формъ государственной жизни, а сущность этого протеста желаніе отстоять самобытность и самостоятельность земскихъ устоевъ и мѣстныхъ провинціальныхъ особенностей противъ стремленій централизирующей власти нивелировать и подвести всю русскую жизнь подъ однѣ формы ¹⁾. Развиваемый главнымъ образомъ свѣтскими писателями, взглядъ этотъ не находитъ сочувствія у писателей духовныхъ, и въ настоящее время можно встрѣтить сочиненія, рассматривающія расколъ какъ съ церковной, такъ и земской точки зрѣнія ²⁾. Существенное различіе въ взглядахъ тѣхъ и другихъ писателей состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что одни изъ нихъ—главнымъ образомъ духовные—видятъ въ расколѣ чисто религіозное явленіе, другіе преимущественно свѣтскіе—явленіе чисто земское. Такое разномысліе, какъ кажется, будетъ устранено, если признать, что какъ то, такъ и другое пониманіе раскола есть своего рода крайность и односторонность. Думается, что въ данномъ случаѣ разсужденія о расколѣ духовныхъ и свѣтскихъ писателей невольно подтверждаютъ справедливость логическаго закона, высказаннаго Гегелемъ, утверждавшимъ, что извѣстное крайнее положеніе (тезисъ) вызываетъ положеніе, совершенно противоположное ему (антитезисъ): крайность порождаетъ противоположную крайность. Въ той и другой крайности (тезисъ и антитезисъ) нѣтъ истины, она возможна только въ синтезисѣ, т. е. положеніи, освобожденномъ отъ крайностей тезиса и антитезиса и объединяющемъ въ себѣ части той истины, ко-

¹⁾ См. соч. Андреева: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“ СПб. 1870. Повторяя взглядъ Щапова (см. стр. 1, 5 и 15), Андреевъ называетъ церковные обряды только *ложнымъ* земскаго протеста, называемаго расколомъ. См. стр. 156.

²⁾ Взглядъ на расколъ какъ исключительно церковно-религіозное явленіе высказанъ проф. Ивановскимъ въ сочиненіи: „Критическій разборъ ученія неприемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и о таинствахъ“. Каз. 1883 г. стр. 21—22; 100 стр. Здѣсь авторъ, вооружаясь противъ пониманія раскола какъ явленія исключительно земскаго, настаиваетъ на его преимущественно церковно-религіозномъ характерѣ, признавая земскій элементъ въ немъ явленіемъ совершенно *случайнымъ* (22 стр.). Взглядъ на расколъ, какъ протестъ *возникшій исключительно на религіозной почвѣ, безъ всякой примеси какихъ-либо стороннихъ элементовъ, чуждыхъ области вѣры и церкви*, проводится въ новѣйшемъ изслѣдованіи „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.“ СПб. 1898 г. соч. П. С. Смирнова—см. стр. СХХVI—СХХIX. Взглядъ этотъ по отношенію къ первому періоду существованія старообрядческаго раскола доказанъ въ указанномъ сочиненіи повидимому вполне основательно. Говоримъ *повидимому*, потому, что авторъ умалчиваетъ въ своемъ сочиненіи объ участіи въ Соловецкомъ возмущеніи выходцевъ изъ шайки Стеньки Разина—участіи, несомнѣнно указывающемъ, что подъ знамя раскола могли и дѣйствительно вставали люди, едва-ли интересующіеся вопросами вѣры. Ничего авторъ не говоритъ и о возмущеніи стрѣльцовъ—возмущеніи, давшемъ Щапову поводъ сказать: „стрѣльцы стали подъ знамя Никиты Пустосвята не изъ-за сугубой аллілуйя—и не за двуперстный крестъ“, такъ что ихъ возмущеніе вызвало такія слова патр. Іоакима „се ясно, что ради возмущенія противъ Государя, сія сотвориша“—См. Раск. старообр. стр. 477.

Взгляды о расколѣ какъ явленіи земскомъ можно найти въ „Библ. для чтенія“ 1863 г. № 7, въ статьѣ Аристова „Устройство раск. общинъ“, у Юзова—въ сочиненіи: „Русскіе диссиденты“. СПб. 1881 г. стр. 9—34. Полнѣе такого рода сочиненія указываются въ статьѣ г. Громогласова—„О сущн. и пр. раск.“ стр. 18-ая.

торыя заключаются въ нихъ. Правда, законы логики нельзя исполнѣ примѣнять къ историческимъ явленіямъ и взглядамъ, относящимся къ этимъ явленіямъ, какъ конкретнымъ, а потому и лишеннымъ той абстрактности и ясности, которыя присущи идеямъ чистаго разума, но въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ и на историческихъ взглядахъ, какъ представляющихъ изъ себя сколько результатъ наблюденій надъ фактами, столько-же и результатъ логическихъ выводовъ изъ этихъ наблюденій, несомнѣнно, сказывается вліяніе логическихъ законовъ, а потому, думается, что и на взглядахъ изслѣдователей раскола—по крайней мѣрѣ на исторической послѣдовательности этихъ взглядовъ сказалось вліяніе указаннаго закона (тезисъ, антитезисъ и синтезисъ). И дѣйствительно, признавъ за крайность настойчиво проводившееся у насъ долгое время мнѣніе о расколѣ, какъ исключительно религіозномъ явленіи и продуктѣ невѣжества, мы поймемъ съ точки зрѣнія указаннаго закона чрезмѣрное увлеченіе другимъ крайнимъ взглядомъ о расколѣ, какъ явленіи исключительно земскомъ,¹⁾ свѣтскомъ и притомъ имѣющимъ на своей сторонѣ все свѣтлое и хорошее: и грамотность, и самостоятельность, и трудолюбіе и т. д. Выходъ изъ этихъ крайностей съ формальной стороны возможенъ въ томъ случаѣ, когда будетъ указано общее, общіе признаки, присущіе тому и другому взгляду, указано то, въ чемъ оба взгляда согласны. Такимъ общимъ признакомъ служитъ признаніе послѣдователями того и другого взгляда національно-консервативнаго элемента въ расколѣ. Дѣйствительно, какъ представители пониманія старообрядческаго раскола въ смыслѣ церковно-религіознаго явленія, такъ и представители пониманія его, какъ явленія земскаго и соціальнаго, согласны въ томъ, что расколъ въ своей сущности есть протестъ *новому* во имя *старою*. Разница въ пониманіи тѣми и другими консервативнаго элемента въ расколѣ состоитъ только въ томъ, что первые (главнымъ образомъ духовные писатели) этотъ элементъ видятъ въ сохраненіи расколомъ старыхъ церковныхъ обрядовъ, вторые (главнымъ образомъ свѣтскіе писатели)—въ сохраненіи имъ исконныхъ древне-русскихъ земскихъ началъ. Признаніе консервативнаго элемента въ расколѣ есть вмѣстѣ и признаніе въ немъ элемента національнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что-бы ни говорили представители церковнаго пониманія раскола о сравнительно позднемъ происхожденіи сохраняемыхъ

¹⁾ Авторъ этимъ не отвергаетъ того обстоятельства, что взглядъ на расколъ какъ явленіе земское возникъ во время земскихъ реформъ и былъ *вызванъ* именно этими реформами, желаніемъ оправдать ихъ; говоря о вліяніи указаннаго логическаго закона на смѣну взглядовъ о расколѣ, авторъ старается объяснить только *увлеченіе* то однимъ, то другимъ изъ взглядовъ, тогда какъ оба они представляются ему одно-сторонними и крайними.

нынѣшними старообрядцами церковныхъ обрядовъ, объ ихъ несо-
отвѣтствіи принятымъ изъ Византіи обрядамъ времени крещенія
Руси при св. князѣ Владиміръ, несомнѣнно, что эти сохраняе-
мые раскольниками обряды укоренились у насъ на Руси, пред-
ставляютъ изъ себя національныя особенности русской церкви
XVI—XVII в. отъ другихъ восточныхъ православныхъ церквей.
Этого представители церковнаго пониманія раскола и не отри-
цаютъ. Съ другой стороны писатели противоположнаго лагеря,
понимая расколъ въ смыслѣ протеста новому, вмѣстѣ съ тѣмъ
всецѣло признаютъ въ немъ элементъ національный, выразившій-
ся въ отрицаніи такъ называемыми старообрядцами иностранна-
го вліянія на Русь, особенно сильно начавшагося въ половинѣ
XVII столѣтія и наиболѣе ярко выразившагося въ реформахъ
Петра I-го. Итакъ, національно-консервативный элементъ въ ра-
сколѣ—вотъ то общее, въ признаніи котораго въ немъ согласны
и свѣтскіе и духовные писатели. Это общее и есть та часть
истины, которая присуща тому и другому взгляду. Поэтому и
наиболѣе правильнымъ пониманіемъ старообрядческаго раскола,
по мнѣнію автора, слѣдуетъ признать то пониманіе его, которое
сущность раскола видитъ въ національно-консервативномъ про-
тестѣ значительной части русскаго общества новому иноземно-
му вліянію (безразлично шло-ли это вліяніе съ Востока или
Запада), начавшемся въ XVII в. и особенно сильно выразившемся
въ реформахъ Петра I-го въ началѣ XVIII стол. При такомъ
пониманіи раскола устраняются тѣ крайности, въ которыя впа-
дали прежніе изслѣдователи его. Расколъ не есть ни исключи-
тельно религіозное явленіе, но не есть онъ явленіе исключитель-
но земское. Онъ явленіе національно-консервативное, а религіоз-
ный и земскій элементы въ немъ—это только *два стороны од-
ного и того же явленія* ¹⁾.

Будучи болѣе правильнымъ съ формальной стороны, ука-
занный взглядъ на расколъ имѣетъ за себя всѣ матеріальныя дан-
ныя, представляемыя произведеніями раскольнической письменно-
сти, увидѣвшей наконецъ съ 60-хъ годовъ наст. стол. свѣтъ въ
изданіяхъ Есипова, Максимова, А. Б., проф. Субботина и др.
Разборъ этихъ данныхъ въ связи съ изученіемъ эпохи XVII и
начала XVIII в.в. приводитъ именно къ такому взгляду, и по-
тому въ послѣднее время онъ чаще и чаще высказывается въ
литературѣ ²⁾.

¹⁾ „О сущн. и прич. русск. раск.“ г. Громогласова—стр. 54-ая.

²⁾ См., напр., Истор. Вѣстникъ 1885 г. т. 22-ой стр. 714. Здѣсь авторъ критиче-
ской замѣтки объ изслѣдованіи Воробьева: „О московскомъ соборѣ 1681 г.“, говоритъ:
„причины раскола были поглубже: происходило столкновеніе двухъ цивилизацій: древне-
русской и надвигающейся къ намъ западно-европейской; противники Никона въ глазахъ
народа были защитниками своего, національнаго, и поэтому-то протестъ ихъ оказался

Какая изъ сторонъ является преобладающею въ расколѣ—церковная или земская? Всѣ данныя исторіи говорятъ, что на первомъ планѣ въ расколѣ стоятъ интересы церковные. Расколъ какъ начался изъ-за исправленія церковно-религіозныхъ обрядовъ, такъ и теперь ведетъ войну съ церковію изъ-за нихъ же. Земскій протестъ въ немъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Онъ—этотъ протестъ возникъ въ расколѣ позднѣе, чѣмъ протестъ церковный ¹⁾, и въ значительной степени является результатомъ національно-религіознаго протеста. Борьба противъ церкви, помимо земскихъ причинъ, вела раскольниковъ къ борьбѣ съ государствомъ, ставшимъ на защиту церковныхъ правъ.

О расколѣ говорятъ, что онъ слишкомъ мелочно консервативенъ, что весь его консерватизмъ сводится къ охраненію внѣшности, въ области религіозной къ охраненію только церковныхъ обрядовъ, даже буквы старыхъ книгъ, въ области государственной и общественной къ сохраненію того положенія, которое было въ XVI—XVII в.в., при этомъ къ сохраненію не духа этого положенія, а одной его внѣшности—мелкихъ порядковъ и обычаевъ тогдашней общественной жизни въ родѣ извѣстной формы одежды и т. д. Словомъ расколъ понимаютъ въ смыслѣ какой то окаменѣлости, въ родѣ обратившейся въ соляной столбъ Лотовой жены ²⁾. Такое пониманіе консервативнаго элемента въ расколѣ не вполне правильно. Расколъ консервативенъ не только потому, что стоитъ за старые церковные обряды, мелкіе обычаи и порядки давно прошедшей государственной и общественной жизни, стоитъ только за внѣшность, но онъ консервативенъ и потому, что во многихъ случаяхъ борется за духъ древности: за соборное начало въ управленіи и за независимость древне-русскихъ учреждений. Только признавая въ расколѣ это стояніе за духъ и характеръ древности, а не только за букву ея, мы поймемъ его готовность страдать за свои убѣжденія, его долговѣчность и живучесть. Расколъ—не окаменѣлость. Онъ своеобразно развивался въ теченіи всего болѣе, чѣмъ двухсотлѣтняго существованія, и создалъ своеобразные въ духѣ древне-рус-

столь популярнымъ". Еще: "Памятники древней письменности. Отраз. писаніе о новоизобрѣтенномъ пути сам. смерти" Хрисанфа Лопарева—предисловіе—стр.—03., и особенно—статью г. Громогласова: О сущности и причинахъ русскаго раскола такъ называемаго старообрядчества" Сергіевъ Посадъ—1895 г.

¹⁾ „О сущн. и прич. стар. раск.“ г. Громогласова—стр. 19—22.

²⁾ См, „Письма о расколѣ“ П. Мельникова. СПб. 1862 г. стр. 92-я. Признавая расколъ совершенно неподвижнымъ въ родѣ обратившейся въ соляной столбъ Лотовой жены, Мельниковъ самъ себѣ противорѣчитъ, когда говоритъ: „расколъ имѣлъ свое движеніе, свое развитіе, что однако-жъ не мѣшало ему быть неподвижнымъ относительно обряда и воззрѣнія на гражданское устройство общества... Это движеніе раскола до сихъ поръ не было еще никѣмъ подвергнуто надлежащимъ изслѣдованіямъ“ *ibid.* стр. 77-ая. Разъ расколъ нѣчто въ родѣ соляного столба, то едва-ли можетъ быть рѣчь о какомъ-либо движеніи въ немъ... Очевидно, сравненіе съ Лотовой женой не годится для раскола.

скихъ учреждений формы своей, хотя-бы и несогласной съ каноническимъ правомъ церковно-общественной жизни, создалъ своеобразную догматику (по крайней мѣрѣ это сдѣлалъ расколъ безпоповщинскій), наконецъ, онъ, ставъ въ началѣ во имя стараго, въ концѣ концовъ въ силу логики идей или вѣрнѣе—событій пришелъ къ совершенно новымъ и неожиданнымъ для себя результатамъ—онъ впалъ въ раціонализмъ, если не весь—въ полномъ своемъ составѣ, то значительная болѣе послѣдовательная часть его (безпоповцы) ¹⁾. Расколъ ненормальное и вредное явленіе, онъ крайность, но крайность, возникшая въ силу извѣстныхъ историческихъ условий русской жизни и вполне понятная (въ смыслѣ протеста противоположной крайности—безмѣрному увлеченію западомъ и вообще иностраннымъ), съ исторической точки зрѣнія.

Таковъ взглядъ автора на расколъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о литературѣ, касающейся Выговской пустыни, и о задачѣ нашего сочиненія. О Выговской пустыни существуетъ очень значительная литература. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть указатели по исторіи и описанію раскола Сахарова и Пругавина, въ которыхъ подробно перечисляются сочиненія и статьи о Выговской пустыни и ея дѣятеляхъ, написанныя какъ самими раскольниками, такъ и православными учеными изслѣдователями раскола. Кромѣ того, не мало есть статей, хотя и не претендующихъ на научное значеніе, но въ то же время представляющихъ значительный интересъ при изученіи пустыни. Къ этому отдѣлу, между прочимъ, относятся разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ замѣтки лицъ, посѣщавшихъ пустынь во время ея существованія (напр. сюда слѣдуетъ причислить статью «Выгорѣцкіе совратители» г. Арсеньева, помѣщенную въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1883 г., т. 13-й), или же писавшихъ о ней послѣ ея разоренія на основаніи мѣстныхъ о ней преданій (напр. статьи г. Майнова, печатавшіяся тоже въ Историческомъ Вѣстникѣ). Представляя обильный матеріалъ для изученія, печатная литература о пустыни однако же не исчерпываетъ всего объема и количества написаннаго въ ней и о ней. Очень много весьма цѣннаго рукописнаго матеріала для выясненія исторіи и значенія пустыни хранится въ архивахъ и различныхъ книгохранилищахъ, собран-

¹⁾ См. Юзова „Русскіе диссиденты“—стр. 59 и вообще съ 47—91. Необходимо замѣтить, что раціонализмъ раскольниковъ—такъ называемыхъ старообрядцевъ—слѣдуетъ отличать вообще отъ раціонализма. Этотъ послѣдній есть, такъ сказать,—раціонализмъ во имя разума, а у старообрядцевъ раціонализмъ явился въ силу необходимости во имя ихъ привязанности къ авторитету древности.—Объясненіе различія раціонализма безпоповцевъ отъ раціонализма—такъ называемыхъ сектъ мистико-раціоналистическихъ—можно читать въ брошюрѣ Е. В. Барсова—„Новѣйшіе изслѣдователи“ рус. раскола стр. 17-я,—перепечатано съ Прав. Обзор. за 1873 г. мѣсяцъ февраль.

ныхъ или для общаго употребленія (каковы публичныя библіотеки въ Петербургѣ и Москвѣ), или для пользованія главнымъ образомъ ученыхъ корпорацій (напр. академическія духовныя библіотеки и кievская особенно), или-же составленныхъ частными лицами для болѣе ограниченнаго круга читателей (напр.—собраніе рукописей г. Е. В. Барсова—въ Москвѣ). Для того, чтобы судить о количествѣ неизданнаго и, можетъ быть, даже совершенно утеряннаго матеріала, касающагося пустыни и имѣющаго очень важное значеніе при ея изученіи, стоитъ замѣтить, что напр. изъ 115 перечисляемыхъ Павломъ Любопытнымъ сочиненій одного изъ самыхъ главныхъ дѣятелей по устройству пустыни—ея славнаго «киновіарха»—Андрея Денисовича Денисова ¹⁾ въ настоящее время напечатаны очень немногія сочиненія да нѣсколько его писемъ, словъ и поученій, адресованныхъ и говоренныхъ имъ выговскимъ скитникамъ по случаю различныхъ событій и празднествъ, совершавшихся въ ихъ пустыни ²⁾. Но если значительная часть матеріала, касающагося Выговской пустыни, затеряна, другая же часть еще не напечатана и не приведена въ извѣстность, тѣмъ не менѣе и напечатанная часть этого матеріала такъ значительна, что представляетъ обильное количество фактовъ, разборъ которыхъ можетъ дать изслѣдователю довольно цѣнные выводы какъ относительно исторіи пустыни, такъ и ея значенія въ расколѣ. Не вдаваясь въ изысканія матеріала неизвѣстнаго и утеряннаго, авторъ предлагаемаго сочиненія имѣлъ своею задачею написать не столько подробную фактическую исторію пустыни, сколько выяснить ея значеніе въ исторіи раскола на основаніи уже напечатанныхъ о ней сочиненій и статей, а также и доступныхъ ему рукописей.

Писать главнымъ образомъ о значеніи пустыни автора побуждало и то обстоятельство, что въ существующихъ сочиненіяхъ о ней это значеніе хотя и выясняется, но въ общихъ чертахъ, безъ подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія дѣйствительности и характера вліянія ея на историческія судьбы раскола. Указанной задачей сочиненія опредѣлялись методъ и планъ его. Несомнѣнно, что для выясненія значенія какъ извѣстнаго предмета, такъ и какого-либо историческаго явленія и общества,

¹⁾ Правда, такое большое количество сочиненій Денисова получилось потому, что П. Любопытный именемъ „сочиненія“ называетъ поученія Денисова, каковыхъ было очень много—см. Биб. Кат. П. Люб.—стр. 30—37; но во всякомъ случаѣ, если-бы эти поученія сохранились, то могли бы дать обильный матеріалъ для уясненія воззрѣній Андр. Денисова—этого столпа раскола.

²⁾ Въ 1912 г. появилась книга: „Писанія русскихъ старообрядцевъ. Перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраний“ В. Г. Дружинина. Изд. Императорской Археографической Комиссіи; СПб. Въ этомъ перечнѣ всѣхъ, принадлежащихъ перу А. Денисова сочиненій, хранящихся въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ перечисляемыми П. Любопытнымъ, насчитывается не 115, а 183.

существовавшего то или другое время, самым лучшим способом служить сравненіе этого явленія и общества съ другими однородными предшествовавшими или существовавшими одновременно съ ними явленіями и обществами. Поэтому, для уясненія значенія и Выговской пустыни, какъ общины, стоявшей долгое время во главѣ всего безпоповщинскаго раскола и значительно вліявшей на расколъ поповщинскій, авторъ нашелъ самымъ лучшимъ слѣдовать методу сравнительному. Онъ считалъ необходимымъ для выполненія своей задачи сдѣлать слѣдующее: во 1-хъ, написать краткій очеркъ распространенія раскола въ Поморьѣ до образованія Выговской пустыни и уяснить состояніе раскола, какъ общины, въ XVII столѣтіи; во 2-хъ, охарактеризовать устройство пустыни и выяснить ея значеніе по сравненію съ предшествующимъ періодомъ—главнымъ образомъ въ исторіи организаціи раскола, распространенія и внѣшняго утвержденія и обезпеченія его; въ 3-хъ—сдѣлать краткій очеркъ состоянія раскольнической мысли до образованія пустыни, и въ 4-хъ,—показать, чрезъ сравненіе съ предшествующимъ періодомъ, значеніе въ области безпоповщинской догматики сдѣланнаго въ пользу раскола Выговскими писателями.

I.

Состояніе старообрядческаго раскола и главнымъ образомъ сѣверо-поморскаго до образованія Выговской пустыни.

Въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія (въ октябрѣ 1694 года) ¹⁾, когда почти все первое поколѣніе расколоучителей—протопопъ Аввакумъ, діаконъ Теодоръ, инокъ Епифаній и друг. было или казнено, или само подверглось разнымъ родамъ «самоубійственныхъ смертей», или же, наконецъ, умерло естественною смертію, въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Олонецкой губерніи, приблизительно на половинѣ пути между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ ²⁾, нѣсколькими строгими ревнителями старины и древняго благочестія было положено основаніе знаменитой впослѣдствіи Выговской пустыни, разыгрывавшей въ теченіи болѣе полуторыхъ вѣковъ громадную роль въ исторіи старообрядческаго раскола. Основаніе этой пустыни раскольническими историками ставится въ связь съ паденіемъ Соловецкой обители ³⁾. Разгромъ (въ 1676 г.) царскими

¹⁾ См. „Ист. Выг. пуст.“ Филипп., изд. Кожанчикова—1862 г., стр. 105 и Смирнова „Первые годы жизни раскола внѣ церкви“ Хр. Чтеніе—1898 г. ч. 1-ая, стр. 428, примѣч. 9-ое.

²⁾ См. проф. Смирнова „Первые годы жизни раскола внѣ церкви“—Хр. Чтеніе 1898 г. ч. 1-ая, 428 стр. Выговская пустынь находилась приблизительно въ 240 верстахъ отъ г. Петрозаводска, основаннаго Петромъ I—въ 1703 г. см. „Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ“—Е. В. Барсова—Изданіе археографической комиссіи—1874 г. стр. 1-ая.

³⁾ Семенъ Денисовъ въ „Исторіи о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“, дѣлая переходъ отъ повѣствованія о разореніи Соловецкаго монастыря къ повѣствованію о соловецкихъ выходцахъ, населившихъ Поморье—и въ частности Выговскую пустыню (такъ называлась вся пустынная мѣстность, прилегающая къ основанному впослѣдствіи Выговскому же монастырю), говоритъ „такъ *сажденіе* преподобныхъ отецъ Зоимы и Саватія (*разумѣются—выходцы соловецкіе*), измѣнивъ мѣсто отока (соловецкаго острова) *на пустыни*, паки возрастати, паки процвѣтати небесному дѣлателью не престаяше“—см. Сурьяльское изд. листъ 99 и на оборотѣ. Связь между паденіемъ Соловецкаго монастыря (въ 1676 г.) и основаніемъ Выговской пустыни, подчеркиваемая раскольническими писателями, была замѣчена и православными историками раскола. См. „Истина святой Соловецкой обители“ Игнатія, арх. Ворон. и Задонскаго, изд. 2-ое 1847 г. СПб. „Поморскіе скиты, говоритъ авторъ, подъ именемъ „Даниловскихъ“, *начавшись отъ соловецкихъ выходцевъ*, считаютъ себя отраслью монастыря Соловецкаго въ томъ именно духѣ, какой былъ въ монастырѣ по тогдашнему времени“. Эта-же связь между соловецкимъ возмущеніемъ и образованіемъ Выговской пустыни замѣчена г. Сырцовымъ. См. его соч. „Возмущеніе Соловецк. монастыря въ XVII в.“—стр. 6—7 и послѣднія страницы—306—313, проф. Смирновымъ—см. его соч. „Первые годы жизни раскола внѣ церкви“ Хр. Чтеніе 1898 г. стр. 428-ая.

войсками этой послѣдней, въ продолженіи 20-ти лѣтъ упорно и подѣ конецъ даже съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшей противъ властей старопечатныя книги и древніе обряды, произвелъ сильное впечатлѣніе на ревнителей старины, увидѣвшихъ въ этомъ фактѣ гибель послѣдняго оплота древне-отеческаго православія. Составить новый такой же твердый оплотъ отеческой вѣры, какимъ являлся Соловецкій монастырь до его разрушенія въ 1676 г., и было цѣлью устроителей вновь возникшей Выговской пустыни—этой съ ихъ точки зрѣнія «малой рѣчки истекшей отъ источника великаго, Соловецкія преподобныхъ отецъ и мірскихъ молитвенниковъ Зосимы и Савватія обители» ¹⁾ и даже болѣе—этой «лавры, процвѣтшей близъ Понта Окіана въ сѣверныхъ странахъ» ²⁾).

Чтобы оцѣнить значеніе въ исторіи раскола такого факта, какъ основаніе Выговской пустыни—этой первой вполне организованной раскольнической безпоповщинской общины, мы должны обратить вниманіе на то, что представлялъ изъ себя расколъ въ С. Поморьѣ до образованія ея.

Расколъ въ Поморьѣ возникъ почти одновременно съ его образованіемъ въ Москвѣ. Широкому распространенію его здѣсь содѣйствовали различныя условія.

Обнимая собою пространство между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, а также побережье Бѣлаго моря, отъ онежскаго залива на сѣверъ, и сѣверное побережье Онежскаго озера ³⁾, Поморье въ силу своей отдаленности отъ центровъ исторической жизни русскаго народа и по своимъ географическимъ условіямъ, отличительнымъ характеромъ которыхъ служатъ суровость кли-

¹⁾ См. Надгробное слово Андрея Денисова надъ Петромъ Прокопьевымъ, напечатано въ Русск. Старинѣ за 1879 г. т. 26-ой, стр. 529-ая. Слова Андрея Денисова съ буквальной точностью повторяетъ Ив. Филипповъ въ „Исторіи Выговской пустыни“ см. стр. 81-ая.

²⁾ См. „Опис. рукоп. Выголекс. библіотеки“ г. Е. В. Барсова—стр. 15-ая Именемъ „*Вигорыцкой Лавры*“ и „*славной киновіи*“ называетъ Выговскую пустынь Павелъ Любопытный см. его „Истор. Словарь старов. церкви“ стр. 36-ая и „Библ. каталогъ“ его стр. 35-ая Професс. Ивановскій Выговскую пустынь называетъ „столицею раскола“ см. „Критич. разборъ ученія непріемл. свящ. стар.“ стр. 76-ая.

³⁾ Такія границы опредѣляетъ для С.-Поморья проф. Ивановскій.—См. „Критич. разборъ ученія непр. свящ. старобр.“—стр. 72. Болѣе точно границы С.-Поморья обозначены въ книгѣ „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ М. Богословскаго, Москва 1909 г. „Поморьемъ на административномъ языкѣ XVI и XVII в.в. назывались мѣстности на сѣверѣ Европейской Россіи по берегамъ Бѣлаго моря, по Онежскому озеру и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печорѣ и Камѣ съ Вяткой“ стр. 1-ая. Говоря о С.-Поморьѣ, авторъ настоящаго сочиненія понимаетъ подъ нимъ мѣстность въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ, чѣмъ опредѣлены онѣ въ названномъ выше сочиненіи М. Богос., приблизительно въ тѣхъ, какъ онѣ обозначены проф. Ивановскимъ, главнымъ образомъ предѣлы нынѣшней Олонецкой губ.